

СУДЕБНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Предметом рассмотрения данной статьи является насущный вопрос, касающийся судебных преобразований в России в последней четверти XIX века.

Ключевые слова: судебная власть, судебная реформа, судебные преобразования последней четверти XIX века.

Реформы 60-70-х гг. XIX века серьезно изменили экономический и социальный облик Российской империи. Именно поэтому они именуются «великими реформами». При этом признается, что судебная реформа 1864 года была наиболее радикальной, новаторской и технически совершенной из всех проведенных преобразований. Сложнее обстоит дело с теми изменениями в области суда и процесса, которые происходили по мере того, как новые судебные учреждения, созданные под влиянием зарубежного опыта, вошли в соприкосновение с реальной жизнью российского общества. Они были названы «судебной контрреформой», что предполагало восприятие этих преобразований как радикальное отступление от основ судебной реформы 1864 года.

Сегодня наши взгляды постепенно меняются [1, с. 42-45; 2, с. 137-150]. Дело не только в том, что мы свободно говорим по поводу нашего прошлого, но и в том, что пищу для размышлений нам постоянно дает сегодняшняя российская действительность. В 2008 году были приняты законодательные положения, согласно которым обвиняемые в определенных уголовных преступлениях (терроризм, захват заложника, организация и участие в незаконном вооруженном формировании, массовые беспорядки, государственная измена, шпионаж, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, вооруженный мятеж и диверсия) были лишены права на рассмотрение своего дела судом присяжных [3]. Многие усмотрели в этом прямой интерес силовых структур и явное противоречие целям и основам судебно-правовой реформы, проводимой в Российской Федерации. Был поставлен вопрос о соответствии этих изменений Конституции РФ.

И хотя Конституционный суд в апреле 2010 года постановил, что лишение обвиняемых

в терроризме права на суд присяжных соответствует Конституции страны, разговоры о «судебной контрреформе» не утихают. Те, кто их ведут, проводят прямые аналогии между действиями нынешних российских властей и тем, что происходило в 70-80-е гг. XIX века.

Все это побуждает еще раз присмотреться к судебным преобразованиям последней четверти XIX века. Масштаб изменений являлся достаточно значительным. «В период с 1864 года по 12 июля 1889 г. (период так называемой контрреформы) было принято около десятка крупных законодательных актов, затрагивающих судебную систему России» [1, с. 42]. В наибольшей степени они коснулись местного суда и суда присяжных. Осветить все в рамках небольшой статьи не представляется возможным. Поэтому обратим внимание только на то, что стало неожиданно актуальным в последнее время, – вопрос о том, как и почему менялась компетенция суда присяжных в ходе реализации судебной реформы 1864 года.

20 ноября 1864 года государь император Александр II подписал Судебные Уставы, а 26 июля 1866 года в Петербурге были рассмотрены первые дела с участием присяжных. Суд присяжных стал важнейшим элементом российского пореформенного правосудия. По подсчетам известного дореволюционного юриста А.М. Бобрищева-Пушкина, которые приводит А.А. Демичев, в сфере компетенции заседателей находилось примерно 410 статей российского уголовного закона того времени – Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, что составляло примерно пятую часть всех карательных статей отечественного законодательства. В окружных судах, которые являлись коронным судом первой инстанции, на долю присяжных заседателей приходилось в 1873-1878 гг. в среднем по стране 75,8 процента всех

решенных дел [2, с. 138-139]. Получалось, что примерно три четверти уголовных дел разбирались судом с участием присяжных.

Естественно, что правительство внимательно присматривалось к новому учреждению. Основной повод для беспокойства – большое количество оправдательных приговоров. Первые два десятилетия судебной реформы показали, что репрессивность суда присяжных была в среднем на 12% ниже репрессивности коронного суда [4, с. 199]. Поскольку в суде присяжных осуществляется взаимодействие общества и государства, то тревога правительства понятна. Ведь такое поведение присяжных – это сигнал того, что государственное обвинение в этих судах не всегда убедительно, в том числе и по причине того, что общество не принимает и не понимает того или иного закона, а значит, его необходимо скорректировать. Было выявлено, что в России к таковым относились преступления служебные и против порядка управления, где репрессивность суда присяжных была наименьшей [2, с. 139].

Влияние решений присяжных на последующие законодательные изменения хорошо известно. «После введения суда присяжных... регулярный характер приняли оправдательные приговоры по делам о нарушениях правил паспортной системы, в которых фактические обстоятельства были неоспоримы и сами подсудимые признавали себя виновными. Объяснение этому А.Ф. Кони увидел в том, что присяжным, в основном крестьянам, «чуждо понятие о преступлениях против системы, в которых, с одной стороны, совершенно отсутствует, прямо или косвенно, потерпевший, а с другой – бытовые условия, вызывавшие очень часто нарушения установленных правил, возбуждают живое сострадание к обвиняемому». Такие парадоксальные оправдательные приговоры выражают народное правосознание, раскрывают отношение граждан к закону и проводимой правительством правовой политике. ...Правда на упразднение паспортной системы или хотя бы на отмену уголовной ответственности... правительство не пошло. Воспротивилась полиция... Тем не менее, выводы были сделаны. «Паспортные» дела исключили из ведения присяжных. Для этого пришлось значительно снизить в законе уголовную ответственность за нарушение паспортной системы» [5, с. 8-9]. Такое изъятие

дел у присяжных вряд ли можно считать регрессом, ведь оно повлекло за собой обновление и гуманизацию законодательства. Из этого же ряда передача в 1882 году мировым судьям дел о кражах со взломом на сумму не свыше 300 руб. при установлении максимального срока наказания – полтора года тюремного заключения. Причина – огромное число оправдательных вердиктов присяжных по подобным делам, в силу несообразно сурового наказания, установленного за такие кражи Уложением 1845 года [6, с. 754].

Наблюдая за судом присяжных, правительство осознало, что влиять на их деятельность можно только путем изменения законодательства. После 1889 года, по подсчетам все того же А.М. Бобрищева-Пушкина, в компетенции заседателей осталось примерно 300 статей Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных. Количество дел, решаемых присяжными, уменьшилось на порядок, но по-прежнему осталось значительным. По имеющимся данным в среднем за период 1889–1905 гг. объем юрисдикции суда присяжных составил 43,1% [2, с. 143, 146]. Это внушительная цифра, и поэтому усмотреть здесь наступление на судебную реформу можно только по идеологическим соображениям. Хотя присяжных действительно «разгрузили» от определенных категорий дел, но политический интерес при этом отнюдь не был определяющим. В 1889 году министр юстиции Николай Авксентьевич Манасеин обосновывал в Государственном совете исключение из компетенции присяжных дел о должностных преступлениях тем, что «присяжные заседатели весьма часто встречают затруднения в усвоении себе общепонятности судимых посягательств, злоупотреблений и упущений» и что «им не вполне доступно понятие о публичном интересе» [6, с. 754].

Концепция же судебной контрреформы, созданная в советское время, связывала все эти преобразования исключительно с политическими мотивами. Что же, и они присутствовали. Правительство действительно попыталось использовать новые суды для ответа на вызов революционного движения. В окружении государя императора Александра II существовало мнение, что публичное судебное преследование могло бы клеймить революционеров как изгоев и лишить их призывы притягательности [7, с. 468].

Согласно Судебным Уставам государственные преступления не были доверены присяжным, а должны были рассматриваться коронным судом второй инстанции с участием сословных представителей, по одному от каждого сословия: губернский или уездный предводитель дворянства, городской голова губернского города и кто-либо из волостных старшин. Называлось все это «особым присутствием судебной палаты с участием сословных представителей», а с 1872 года Особое присутствие для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах было создано в Сенате – высшем судебном учреждении империи. В отличие от присяжных сословные представители призывались к отправлению правосудия на основе занимаемой должности и объединялись в единую коллегию с коронными судьями, причем права всех членов присутствия были равны и в процессе судебного разбирательства, и при вынесении приговора.

Правительство рассчитывало на то, что коронный суд и уважаемые сословные представители будут непримиримы к тем, кто совершал антигосударственные действия. «Император и его советники ожидали, что новое понимание законности, порожденное реформой, упрочит среди населения уважение к праву и согласует интересы разных слоев общества с интересами власти» [7, с. 468]. Но этим надеждам не суждено было сбыться. К примеру, известное дело «о хождении в народ» (процесс 193-х), которому придавалось особое значение для дискредитации революционного движения, закончилось в итоге оправданием значительного количества подсудимых.

Разочарование власти результатами политических процессов совпало по времени с делом Веры Засулич. В январе 1878 года эта женщина тяжело ранила выстрелом револьвера петербургского градоначальника Федора Федоровича Трепова. Поскольку вина Засулич была очевидной, было решено передать дело в суд присяжных, оформив его как обычное судебное слушание о попытке умышленного убийства. Александр II поддержал сторонников такого решения. Известна его фраза: «Судить как воровку с Апраксина рынка» [8, с. 275].

Уверенное в своей правоте правительство проявило, как и ранее, безразличие к организации обвинения, которое не сумело добиться того,

чтобы присяжные воспринимали дело как обычное уголовное. Защита не стала спорить по существу, а сделала упор на нравственной стороне дела, представив Засулич как женщину, совершившую преступление не из личного интереса, а во имя идеи. Она была оправдана присяжными, вердикт которых отразил общественные настроения. Даже консервативно настроенный Ф.М. Достоевский, присутствовавший среди публики на процессе, заявил, что «наказывать эту молодую женщину было бы неподходящим и ненужным», и признался, что если бы ему довелось узнать о готовящемся террористическом акте, он не сообщил бы властям из-за страха перед реакцией общественности [9, с. 348, 369].

После вердикта по делу В. Засулич правительство перестало рассчитывать на то, что присяжные будут беспристрастны в делах, где хоть как-то замешана политика. В мае 1878 года присяжные лишились права слушать такие дела, как убийство и покушение на убийство должностных лиц, нанесение им ран и увечий при исполнении должностными лицами служебных обязанностей, а также иные дела, где преступные действия были направлены против порядка управления. Действия правительства можно и понять, и оправдать. Ведь вердикт по делу Засулич «создал у каждого правительственного служащего ощущение, что он отныне является беззащитной мишенью для террористов; стрелять в чиновника по политическим мотивам перестало быть преступлением» [10, с. 387], а для сторонников террора в революционном подполье это был сигнал к активным действиям.

Судебные изменения были составной частью правительственной реакции на терроризм. Но вопрос о присяжных играл здесь второстепенную роль. Гораздо более существенным было то, что правительство утратило доверие к гражданским судам в своей борьбе с революционным подпольем. Было заявлено о переходе к «особым, чрезвычайным мерам». «Правительство... с особенным долготерпением направляло все подлежащие судебному преследованию дела о пропагандистах путем, указанным законом, воздерживаясь от принятия каких-либо особых, чрезвычайных мер. Ныне терпение правительства исчерпано до конца...» [11, с. 528]. На первый план вышли военная юстиция с ее ускоренным разбирательством и внесудебная расправа. Из 73 процессов по делу «Народной

воли» в 1880-х 42 дела, т. е. более половины, слушались именно в военных судах [12, с. 25], а с 1890 года дела о государственных преступлениях вообще были исключены из компетенции суда и вплоть до революции 1905 года решались административными мерами. Американский исследователь Р. Пайпс усматривает в этом большую трагедию для России, где в ходе судебной реформы впервые «правительство сделало попытку отдать свои претензии к частным гражданам на суд третьих лиц. В свое время из этой попытки могла бы вырасти настоящая система правосудия, даже для политических преступников, и, что еще важнее, – власть, основанная на законности» [10, с. 387].

Причину трагедии он видит в «политизации» правосудия со стороны освободительного движения и тех, кто прямо или косвенно им симпатизировал. «Использование предоставленных реформой 1864 года возможностей не для укрепления судебной системы, а для преследования сиюминутных политических интересов сыграло на руку архиконсерваторам и тем чиновникам, которые всегда считали независимое

судопроизводство незаконнорожденной, нерусской идеей» [10, с. 387].

Подтверждение этих слов мы найдем в поведении образованной части общества. Она утратила интерес к присяжным, как только там перестали разбирать дела, которые таили в себе политический резонанс, а следовательно, возможности политической саморекламы. Споры переместились исключительно на страницы юридической периодики [2, с. 146].

Самое важное в осмыслении прошлого – это извлечь и усвоить уроки истории. Сделать это необходимо для решения задач, стоящих сегодня перед российским обществом. К числу их относится создание современной и эффективной судебной системы. Опыт последней четверти XIX века показывает, что на этом пути нам необходимо избежать «политизации» судебных преобразований, не допустить, чтобы судебная реформа и судебные учреждения стали ареной политической борьбы. Потому что иное развитие событий таит в себе возможность дискредитации судебной власти, что пагубно отразится на состоянии и перспективах развития российского общества.

14.01.2011

Список литературы:

1. Смыкалин А. Судебная контрреформа конца XIX века: миф и реальность // Российская юстиция. – 2001. – №9.
2. Демичев А.А. Периодизация суда присяжных // Журнал российского права. – 2001. – №7.
3. Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» №321-ФЗ // СЗ РФ. – 2009. – №1. – Ст.29.
4. Афанасьев А.К. Присяжные заседатели в России. 1866–1885 гг. // Великие реформы в России. 1856–1874. – М.: Издательство МГУ, 1992.
5. Ларин А.М. Из истории суда присяжных в России. – М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 1995.
6. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовного-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных странах. – СПб.: Равена, Альфа, 1995.
7. Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. – М.: Новое литературное обозрение, 2004.
8. Измозик В.С. Жандармы России. – СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА–ПРЕСС», 2002.
9. Хоскинг, Дж. Россия: народ и империя (1552-1917) / Дж. Хоскинг. – Смоленск: «Русич», 2000.
10. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М.: Изд-во «Независимая газета», 1993.
11. Кушнир, А.Г. Первое тысячелетие Руси – России. История Русского государства в документах, материалах и комментариях: учебное пособие. Том первый / А.Г. Кушнир. – М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 1999.
12. Троицкий, Н.А. «Народная воля» перед царским судом. 1880-1891 гг. / Н.А. Троицкий. – Саратов, 1971.

Сведения об авторе: **Ежов В.А.**, Оренбургский государственный университет,
кандидат исторических наук, доцент

460048, г. Оренбург, пр-т Победы, 141, 7405, тел. (3532)705815, e-mail: kafedra_upp@jur.osu.ru

UDC 94 (470)

Ezhov V.A.

JUDICIAL TRANSFORMATIONS IN RUSSIA IN THE LAST QUARTER OF XIX CENTURY

The object of the examination of this article is the vital problem, which concerns judicial transformations in Russia in the last quarter of XIX century.

The key words: judicial power, judicial reform, the judicial transformations of the last quarter of XIX century